

Инна Георгиева

ЕВА. МИНУС НА МИНУС
ЕВА. ГИБКИЙ ГРАФИК КАТАСТРОФ

Инна Георгиева

Ева. Тибкий
график катастроф

Роман

Москва, 2014
 ARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г35

Художник
И. Воронин

Георгиева И.

Г35 Ева. Гибкий график катастроф: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 410 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1792-6

У Евы Моргалис много проблем. И с мамой, необязательной ведьмой, вопреки всем правилам безопасности вышедшей замуж за смертного. И со сводными братьями, один из которых законченный метросексуал, а второй пытается затащить в постель все, что двигается, и по первичным половым признакам числится как женщина. Еще проблемы с подругой — готессой и знахаркой, смотрящей на жизнь как на сплошное приключение, которое просто по определению не может быть скучным. И даже с парнем у Евы проблемы. Потому что Александр Соколов не просто ее сводный брат, он — заклинатель, эдакий Темный Властелин в миниатюре, первый враг любой среднестатистической ведьмы. Но больше всего у юной Моргалис проблем с самой собой. Потому что у нее есть удивительный дар находить неприятности даже там, где их отродясь не было.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Инна Георгиева, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1792-6

Хлеба и зрелищ!

Ювенал

Омномном и мухаха!

Фейсбук

ПРОЛОГ

Мы стояли в гараже и дружно любовались зеленой «вольво», только что преподнесенной мне в подарок Георгием Соколовым. Машинка была компактной, симпатичной, во всех смыслах положительной, кроме одного.

— Почему она зеленая?

— Под цвет глаз, — со знанием дела объяснил Богдан — средний сын Георгия и с некоторых пор один из трех моих старших братьев.

Я прищурилась и окинула его взглядом.

— Ты подсказывал? — уточнила, уже догадываясь, какой будет ответ.

Братец кивнул с таким видом, словно не пальцем в палитру ткнул, а как минимум эту самую краску изобрел. Я поджала губы и переглянулась с Полиной — моей лучшей подругой, готессой и тренером по совместительству. А еще — девушкой Богдана.

— По крайней мере, — шепнула она мне на ухо, — он знает... — Наверное, она хотела сказать что-то про цвет, но нашла источник моего хмурого взгляда, сравнила его с изумрудной машиной и закончила: — По крайней мере, он знает, что у тебя есть глаза!

Я мрачно вздохнула. Впрочем, странно было ждать от Богдана чего-то другого. У брата было множество замечательных качеств: он был настойчив, сообразителен, терпелив, очень ухожен... Хотя последнее скорее относилось к какой-то болезни. Ведь как еще можно назвать то, что заставляло его по утрам проводить перед зеркалом больше времени, чем все остальные члены семьи, вместе взятые? За неполный год жизни с Соколовыми я ни разу не видела нашего метросексуала без прически, дизайнерского костюма и маникюра, о каком мы с Поли-

ной могли только мечтать. Сначала я, конечно, удивлялась, но потом решила, что каждый сходит с ума по-своему. И пока его маниакальное стремление к идеальной внешности не мешает мне жить, я буду пропускать мимо глаз кремы с бальзамами, которыми он заставил ванну и полхолодильника, а мимо ушей — язвительные замечания о моем отвратительном художественном вкусе. К сожалению, иногда Богдан переходил от разговоров к действиям, и тогда игнорировать его становилось куда сложнее. И моя новая машина была еще не худшим примером.

Он обставил мою комнату! Которая, между прочим, до моего переезда принадлежала другому Соколову и который, как мне казалось, подобного издевательства над вотчиной так и не простил. Почему-то мне. Хотя, присутствуя я при ремонте, косяками бы легла, но не позволила Богдану поселить меня в домик для Барби. Пуфики, плюшевые мишки, зеркало сердечком, балдахин над кроватью — и все в жутком розовом цвете. А еще стол под потолком, где, разумеется, не была предусмотрена ни одна розетка, потому что ни одному здравомыслящему человеку не пришло бы в голову затаскивать дубовый инвентарь на площадку для телескопа. Ни одному, кроме Богдана. Который даже после того, как сам же стащил стол обратно на пол, в своей гениальности не усомнился. Да и с чего бы ему это делать, если в этом году он совершил подвиг: перешагнул на второй курс института технологии и дизайна? Как по мне, брата должны были отчислить еще при поступлении, когда в его макете двухэтажного дома крыша не держалась даже на суперклею и трех лишних подпорках. Но нет! Жадные педагоги обливались слезами, утирали их деньгами терпеливого (и очень богатого) Георгия Соколова и продолжали вселять в Богдана уверенность в собственных силах. Спасибо им! От лица меня и «вольво», покраска которой стоила целое состояние.

— Да... — протянул Егор, мой самый старший брат, — цвет однозначно... редкий. Катеньке бы понравился. Она вообще любит такой оттенок. На прошлый день рождения подарила мне зеленые носки.

— Катенька? — улыбнулась я. — Это кто-то из новых?

Братец только загадочно хмыкнул. Вообще-то таких Катенок, Светочек, Оленек и другой женской братии у него всегда было навалом. Причем всех и сразу. Егор был на редкость любвеобильным типом, но, к его чести надо признать, за девушка-

ми он ухаживал так мастерски, что ни одна ни в чем его пока не заподозрила. А я уже даже привыкла по утрам наткаться на кухне на незнакомых людей и объяснять, почему Егорушка не придет завтракать. Разумеется, потому что у него, бедняжки эдакого, срочный вылет, едва ли не боевое задание — он же у нас пилот, как-никак четвертый курс авиационного. О том, что у паразита просто напрочь отсутствует совесть, я, конечно, не говорю. Ибо это — семейная тайна, и мы все о ней знаем, но молчим. Наверное потому, что совесть у Егорушки таки есть, просто живет она в далекой Америке и напоминать о ней брату лишний раз не хочется. Он же не виноват, в конце концов, что умудрился влюбиться в подругу детства, Наташку Игнатову, но вместо того, чтобы честно ей во всем признаться, устроил секс-марафон на просторах родной страны? Конечно, гораздо проще всю жизнь искать заменители и оправдывать собственную трусость комплексом Казановы, чем один раз набраться смелости и исполнить свою мечту! Честное слово, если бы я не знала, что в ответ на предложение о помощи Егор закатит сначала глаза, а затем истерику с лекцией на тему, что никакая Наташка ему и даром не нужна и что все это — лишь происки незрительных врагов, я бы сама что-то предприняла. Увы! В некоторых вещах старший брат был упрямее Шурика, а ведь это уже само по себе можно было считать достижением.

Кстати о Шурике.

— Я не понимаю, — недовольно пробурчал мой третий брат и причина большинства моих проблем, — почему выпускаю в этом году из школы я, а машину дарят Еве?

— Потому что она — новая любимая дочь, — тут же нашелся Егор. — А ты — старый надоевший сын. У которого, кстати, вон там «мазда» стоит. Или ты хочешь ее Еве отдать? Так это можно устроить, у тебя как раз еще мотоцикл останется.

— А зачем ей вообще что-то отдавать? — блеснул глазами младший из Соколовых.

— А затем, — терпеливо объяснил Егор, — что ты скоро не сможешь возить сестренку в школу. Если ты еще не успел заметить, твой универ находится на другом конце города. Ты просто не будешь успевать на пары. Или предлагаешь Еве на занятия ходить пешком?

— Здесь недалеко пустили автобус, — скрестил на груди руки наш самый неподдающийся, и вот тут уже не выдержал Богдан.

— Александр! — патетично воскликнул он. — Да что с тобой не так?!

— А что такого?! — рявкнул в его сторону Шурик. — Общественный транспорт вдруг стал вне закона?

— Я видел, где ходят эти автобусы! — в ужасе округлил глаза Богдан. — Туда от особняка больше пятнадцати минут добираться. Через лес! А уж о том, какая там ездит публика, мне и говорить не хочется. Неужели ты так бессердечен, что заставишь Еву... каждый день...

А я и не замечала раньше за Богданом подобного актерского таланта! Братец так правдоподобно хватался за сердце, так выразительно закатывал глаза и хмурил идеальной формы брови, что я чуть было сама не поверила в собственную ущербность. Пока Александр, как обычно, все не испортил.

— Бессердечен?! — повторил он тоном дьявола, пришедшего забирать душу возмущенного грешника. — Да она ни разу в жизни не управляла ничем, кроме своего старого мотороллера, для которого скорость шестьдесят километров в час — это уже чертов спринт! А вы подарили ей машину! Машину! У тебя хоть права есть, убогая?

— Конечно есть! — возмутилась я. Еще бы у меня, с моими-то талантами, не было прав...

— А ездить ты умеешь? — словно почувствовав подвох, уточнил Александр.

— Разумеется умею! — почти не покраснев, соврала я.

Увы, Полина мою тайну знала и скрывать ничего не собиралась.

— Нет, — с невинным лицом глядя в потолок, сообщила она. — Не умеет.

— Полина, не выдумывай! — Кажется, аж побурела от стыда я. — У меня было время подтянуть теорию. А практика никогда особо и не страдала...

— Да ну? — почти ласково улыбнулся Шурик и вдруг открыл дверцу машины. — Тогда залезай.

— В каком смысле? — не поняла я.

— Покажешь, что умеешь, — и нахально уместился на переднем пассажирском сиденье. Я слотнула и беспомощно покосилась на Полину. Та ответила взглядом «мы, конечно, друзья, но своя шкура дороже» и, махнув братьям, увела их за собой в дом. Я осталась без прикрытия.

— Ну и чего ты застыла? — позвал из машины мой личный

инквизитор. Пришлось забираться внутрь и пытаться изо всех сил выглядеть уверенной и смелой, что, кстати, было очень сложно сделать по двум причинам. Во-первых, права я получила, можно сказать, по блату — в инспекции служил один из пациентов Полинкиного отца, а значит — вовек обязанная родственникам, друзьям, приятелям и просто знакомым четы Казаковых личность. Здесь, пожалуй, следует сделать отступление и пояснить: Поля происходит из древнего и очень уважаемого рода знахарей. Собственно, потому она и пошла учиться на провизора — ведь я еще не встречала того, кто разбирался бы в зельях и настойках лучше нее. Можно сказать, она — эдакий образчик современного друида. Без бороды, конечно, зато на мотоцикле, с альпинистским снаряжением и здоровенным котлом на кухне. И в этом самом котле Поля могла сварганить такие препараты, перед которыми современная медицина пасовала с невероятным отрывом. Стать пациентом семьи Казаковых считалось не просто почетным делом, но порой — и последним средством выживания. Неудивительно, что права мне выдали на входе в кабинет едва ли не с поклоном.

Но даже при таких раскладах мой результат управления автомобилем был бы куда лучше, если бы рядом не сидел мрачный как черт Александр Соколов! У этого парня был свой секрет. От прадеда им была унаследована сила заклинателя. Очень редкий дар и, откровенно говоря, далеко не самый светлый. Правда, я уже успела понять, что магия не бывает белой или черной. Шурик заключал контракты с демонами и мог призывать их на службу по желанию, но при этом он же был редкостным чистоплюем, когда дело касалось подчинения человеческой воли. Ни разу, ни при мне, ни до меня, он не использовал свою силу против людей, и это, кстати, было странно, потому что оба брата и отец Алекса были обычными смертными. Не применять силу, чтобы скрыть от них дар, в моем понимании, автоматически приравнивало его к паладину. Очень вредному, злобному, ехидному борцу за свет.

Ах да! Совсем забыла сказать — несмотря на все вышеперечисленное, я каким-то образом умудрилась в него влюбиться. И он в меня тоже, если, конечно, ему в этом плане можно доверять. Потому что, когда он сидит рядом и сверлит меня таким вот яростным взглядом, поверить в любовь очень сложно.

— Заводи мотор, — приказал Александр, демонстративно

застегивая ремень безопасности. Я пошарила глазами по приборной панели, дрожащими руками повернула ключ зажигания, сняла машинку с ручника и... ничего не произошло.

Мне стало плохо.

— Алекс, она не едет... — проговорила севшим голосом. Он скосил на меня глаза:

— Да что ты говоришь! А ответь-ка, Евочка, что нужно машине, чтобы двинуться с места?

— К-колеса?

Он вздохнул так тяжело, словно я вякнула что-то невероятно глупое.

— Ладно, — процедил сквозь зубы. — А еще?

— Мотор, — уже смелее стала перечислять я. — Свечи зажигания, подвеска, амортизаторы, руль...

На последнем слове он таки не выдержал и хлопнул себя ладонью по лбу.

— Бензин, Ева! — простонал, не отнимая руку от лица. — Бензина в баке нет. Видишь огонек мигает?!

— Ой... — хлопнула ресничками я. — Ну подумаешь, не заметила...

— Признавайся, ведьма, — сощурился Алекс. — Права наколдовала или купила?

Кстати, очень правильно был поставлен вопрос. Если бы я не смогла достать документ обычным способом, я бы его себе сотворила с помощью магии. Не зря же я, в конце концов, происхожу из древнего рода Моргалис, берущего свое начало от самой Морганы Пендрагон? И мама моя тоже ведьма хоть куда. Уж у кого у кого, а у меня с правами точно проблем бы не возникло. Если уж я в прошлом году умудрилась слетать в Китай по самодельному паспорту, то по поводу пластиковой карточки с фотографией можно было вообще не заморачиваться.

Правда, как я уже сказала, конкретно в случае с правами магия не понадобилась.

— Меня Полина выручила, — призналась чуть слышно, опустив глаза в пол и вцепившись руками в обод руля. Алекс покачал головой:

— Так и знал, что без нее не обошлось. Вечно вы вдвоем куда-то вляпаетесь!

— Неправда! — вскинулась обиженно.

Шурик скрестил руки на груди:

— Приведи хотя бы один пример!

— Последний случай! — от негодования меня аж подбросило на сиденье. — Там я точно была не виновата! А Поля и по-давно — она ведь первая подняла тревогу. Представляешь, что было бы, не сделай она этого?

Соколов тяжело вздохнул.

— Отлично представляю, — буркнул недовольным тоном.

Я оскалилась: ага! Не ждал, что я так быстро найдусь с ответом?!

— Чего ты лыбишься? — тут же набросился на меня Шурик. — Это был один случай из ста! И лучше бы его вообще не было!

Ну тут я была вынуждена с Алексом согласиться. Влипли мы тогда конкретно. Сама порой удивляюсь, что удалось избежать потерь и последствий. А началась эта история вовсе не с покупки Георгием зеленой «вольво» и даже не с окончания Шуриком школы, а гораздо, гораздо раньше. Еще зимой, в канун Дня святого Валентина. Я уже говорила, что терпеть не могу этот праздник? Нет? Ну, вот теперь говорю. И даже могу попытаться объяснить причину.

ГЛАВА 1

Когда девушки обижаются, они говорят «все нормально» с выражением лица «я тебя только что прокляла четырежды».

NNN

Было чудесное зимнее утро: ярко светило солнце в безоблачном небе, белые сугробы под окнами сверкали всеми цветами радуги, на крыше подтаивали сосульки, и капельки воды нет-нет да и разбивались брызгами о мой подоконник, пробуждая мечты о ранней весне. Я улыбнулась сквозь сон, перевернулась на спину и открыла глаза. Как по команде Диплодок поднял голову и окинул меня внимательным взглядом. Немного подождал в надежде, что моя совесть откликнется на его немой призыв. Наивный! Даже Пушкин в своем стихотворении не мог добудиться красавицу, а у меня законный выходной. И моя совесть меня несколько не беспокоит.

Поняв, что я не собираюсь реагировать добровольно, доберман поднялся на лапы и, скребя когтями по паркету, неспешно подошел к постели. Положил морду на краешек и

ткнулся мокрым носом в плечо. Я все-таки скосила на него глаза.

— Ты издеваешься, да? — уточнила мрачным голосом. В ответ меня лизнули в нос и выразительно покосились на дверь. — Ладно, сдаюсь. Идем гулять...

На улице было холодно. Впрочем, как еще там могло быть в начале февраля? Я переминалась с ноги на ногу, кутала руки в мех полушубка и обреченно смотрела, как Диплодок бесится в снегу. Ну почему эта собака не могла побегать самостоятельно? У нас большой огороженный двор, специально проделанная дырка во входной двери и жильцы, отлично понимающие, что не стоит становиться на пути у добермана. Чего ему не хватает?

Я почти заснула на крыльце под тихое шуршание снега, когда голос мамы внезапно выдернул меня обратно в реальность:

— Ева, оставь своего бронтозавра и иди завтракать!

— Его зовут Диплодок, мама! — обиженно прокричала в ответ.

— Только очень странные девочки называют своих собак в честь других животных! — парировала Ядвига.

Я закатила глаза.

— Ты назвала меня в честь другой женщины! — пробурчала себе по нос. — Это тебе почему-то странным не показалось...

На кухне, к моменту когда я туда пришла, уже сидела вся семья. Богдан смерил взглядом мои широкие джинсы и свитер с высоким воротом, демонстративно фыркнул и вернулся к газете. Егор листал список контактов в мобильном телефоне, бормоча что-то вроде:

— Тебе... нет, не тебе... а может, тебе... ой, нет, только не тебе...

Мама крутилась возле плиты, периодически бросая на Георгия влюбленные взгляды и буквально тая в лучах его улыбки. Алекс читал что-то на планшете, вяло ковыряясь ложкой в овсянке. На один только миг он оторвал глаза от экрана и поднял их на меня, а потом снова углубился в текст. Я мысленно покачала головой: да, семья, конечно, не знала, что мы с ним встречаемся (кроме Ядвиги и, кажется, Богдана: от первой вообще было сложно что-то скрыть, а второму все разболтала Полина, хотя и клялась, что этого не делала), но от проявления обычной вежливости я бы не отказалась.

— Доброе утро, — поздоровалась, усаживаясь за стол и насыпая в тарелку мюсли. Ядвига тут же недовольно ткнула пальчиком в большой липкий коврик на плите. Я содрогнулась: нет уж, я мамину стиральную машину буду есть только после недельной голодовки.

— Евочка, — вдруг обернулся ко мне Георгий, — рассуди нас. Ядвига говорит, что у тебя сейчас нет парня. Но я лично считаю, что у такой очаровательной девушки просто не может отсутствовать кавалер!

Я бросила быстрый взгляд на Алекса, который очень талантливо делал вид, что его беседа вообще никак не касается, и улыбнулась:

— А с чем связан вопрос?

— Приближается День святого Валентина! — улыбнулась мама так, что мне сразу стало немножко жаль наш семейный бюджет. Интересно, что потребует эта жадная ведьма в подарок на этот раз? Помнится, на свадьбу она заказала трехнедельный морской круиз... — Какие у тебя планы?

— Ну не знаю, — пожалала плечами я, хотя совсем недавно сама задавалась этим вопросом. В текущем году праздник выпадал на выходной день, и это давало шанс неплохо погулять. По крайней мере, именно так говорила Полина, которая, вообще-то, терпеть не могла День святого Валентина как таковой, но никогда не отказывалась от хорошего тусняка. Ради него она была готова терпеть даже очередного ухажера, особенно если он платил за выпивку и не слишком много болтал. Я так не умела. Найти парня на вечер, чтобы отшить его уже через пару часов — для этого нужна была такая наглость, которую мне в себе предстояло еще растить и растить. Потому чаще всего четырнадцатое февраля я проводила дома, в одиночестве. Но, конечно, в этом году все должно было быть иначе. Ведь, как сказала Поля:

— Зачем нужен парень, если в день всех влюбленных сидеть одной в четырех стенах? Как ты объявишь миру о том, что у тебя наконец появился поклонник?

— Но, Полина, — тихонько ответила я, — тебе не кажется, что это — не совсем та информация, которую жаждет услышать мир?

— Тогда хотя бы сама убедишься, что у тебя теперь есть целовашка, обнимашка, источник дополнительного дохода и на-

парник для игры в какую-нибудь интересную фигну, — весело заявила она, и я поняла, что доля истины в ее словах таки есть.

Неудивительно, что, когда мама задала вопрос, я первым делом покосилась на Алекса. Ведь это он должен был меня куда-то пригласить. И желательно поскорее, потому что День Валентина уже в эту субботу, а мне еще над гардеробом нужно было подумать.

Только все, как это частенько происходило в последнее время, случилось не так, как я планировала.

— А ты, Алекс? — ласково улыбаясь, повернулась к нему мама. — У тебя есть планы на праздник?

— Угу, — не отрывая глаз от планшета, кивнул заклинитель. — Я работаю.

У меня дернулось веко. Ну спасибо, что сообщил, драгоценный... Ядвига тоже на мгновение перестала выглядеть любящей мачехой. Наоборот: глянув на меня, она как-то странно оскалилась и выдала:

— Евочка, прости, что сразу не сказала. Юлиан Шакуров вернулся в город. Помнишь такого?

О, я помнила! Еще как! Я ведь уже рассказывала про список своих женихов, составленный Ядвигой, кажется, еще в день моего рождения? Так вот Юлиан там числился кандидатом номер раз. Разумеется, он был магом, само собой, из очень известной в наших кругах семьи. Но выделялся Юлиан не только этим. Мы были знакомы. Лично. Даже более того: года в три или в пять я поклялась, что выйду за него замуж. Чего уж там: мы даже устроили маленькую церемонию — я, жених, его игрушечная машинка и куст сирени, ветки которой должны были олицетворять церковь.

— А разве... — нахмурилась я, не понимая пока, к чему клонит мама, — разве он не уехал в Италию... или Испанию на пэ-эмжэ?

— Конечно, — невинно хлопнула ресничками Ядвига. — Но вы же с ним были помолвлены, разве не так? Вот он и возвращается, чтобы увидеть невесту. Будет чудесно, если вы проведете День Валентина вместе! Я правильно говорю?

Ответить я не успела, потому что в этот момент Шурик все-таки поднял глаза.

— М-мама, — враз пересохшими губами простонала я, — что ты такое выдумываешь? Между мной и Юлианом никогда ничего не было.

— Правда? — улыбаясь как маньяк, добравшийся наконец до вожаденной жертвы, проорчал Алекс. — А как же венчание?

— Мне было пять лет! — всплеснула руками я. — И это была только игра!

— Ну, во-первых, не пять, а целых шесть, — невозмутимо поправила Ядвига. — А во-вторых, на тебе было белое платье, тиара и букет невесты. У меня даже фото в телефоне есть. Хотите, покажу?

— Конечно хотим, — осклабился Шурик. Я сглотнула и тоже подошла ближе, чисто из любопытства. Заглянула маме через плечо.

— Этого не может быть! — воскликнула, глядя на яркую цветную фотографию меня и маленького Юлиана. На ней мы действительно были похожи на совсем юных невесту и жениха. Но я точно помню, что на Юлике в тот день не было этого костюма с бабочкой, а на мне — туфель и белых гольфиков! Мы вообще большую часть прогулки копались в песочнице — одного этого хватило бы, чтобы привести костюмы в негодность.

— Евочка, не упрямясь, — улыбнулась мама, словно не замечая моих отчаянных жестов, когда я сначала тыкала пальцем в Алекса, а потом проводила ребром ладони по собственному горлу и отчаянными кривляньями просила ее прекратить раскрывать мои старые секреты. — Вы были такой чудесной парой. Признай, что ты с удовольствием повидаешься с Юлианом. Разве тебе не интересно, каким он стал?

— Да, Евочка, — на мгновение обернулся Шурик, и я вдруг поняла, с кого рисовали голову Чеширского Кота в «Алисе»: от его улыбки можно было поседеть. — Просто признай это. Рассказание помогает.

— Да не было ничего!

— И все же, если ты не против, — проворковала Ядвига, — я поговорю с мамой Юлиана и передам, что ты с радостью встретишься с ним в эту субботу. Надеюсь, ни у кого возражений нет?

— У меня есть! — малость обалдевая от постановки вопроса, возопила я, но мама только переглянулась с Георгием:

— Она у меня такая скромница! Если из дому не выгонять, никогда замуж не выйдет.

Отчим весело улыбнулся, видимо полагая, что это какая-то внутрисемейная шутка четы Моргалис. Егор вообще заржал,

правда, не отрывая глаз от экрана своего мобильного, потому я не была уверена, что смеялся он надо мной. И даже Алекс не убрал улыбку с лица, от которой у меня буквально кровь в жилах стыла. Один только Богдан в недоумении переводил взгляд с меня на маму, а потом — на брата. Кажется, ему очень хотелось как-то остановить это безумие, но он понимал, что своим вмешательством только усугубит ситуацию. Не знаю, что бы я делала, если бы Георгий прямо сейчас обо всем догадался. Нет, мы понимали, что рано или поздно придется сказать ему правду. Но, зная характер Соколовых, я предпочла бы сделать это в далеком будущем при идеальных обстоятельствах. Собственно, смертное ложе прекрасно бы подошло. И лучше, чтобы ложе было моим, ведь проклятия умирающего так сложно отменяются...

Чертыхнувшись сквозь зубы, я молча налила в мюсли молока и так же молча, стараясь не подавиться под пристальным взглядом Алекса, запихала их в себя. И только потом, всеми силами стараясь не сорваться в резвый галоп, вернулась к себе в спальню. Где тут же набрала Полину.

Она выслушала молча, не перебивая, что вообще-то для подруги было не совсем характерно. И только спустя несколько секунд я поняла, что у нее просто на время пропал дар речи от возмущения.

— Что он сказал?! — рявкнула она в трубку так, что я чуть из кресла не вывалилась. — Работает на День святого Валентина?! И ты это так просто оставишь, Ева?!

— Ну... — пробормотала неуверенно. — А что мне остается? Надо — значит, надо.

— Та-ак... — протянула Поля, и я почти услышала, как она мысленно считает до десяти, пытаясь успокоиться. — Я, конечно, понимаю: ты — святая, и все такое, но давай поразмыслим вместе. Кто такой Александр? Нужны ли ему деньги? А раз не нужны, то какого, на хрен, дьявола он оставляет тебя на праздник одну?!

Я поскребла в затылке: когда Полина ставила вопрос таким образом, я почему-то начинала ей верить. Шурика ведь точно нельзя было назвать главным кормильцем семьи. И я, конечно, знала, как трепетно он относится к своей группе, но почему они должны выступать именно на этот праздник?! Разве рок-концерты вяжутся с цветами и сердечками?

И все же какая-то часть меня не хотела воевать. Особенно с Шуриком. Потому, вздохнув, я неуверенно предположила:

— Но, Полина, мы же ничего не знаем. Иногда бывают такие обстоятельства...

— Значит, так! — рыкнула мой тренер. — Ты идешь на встречу с Юлианом! Если твой нынешний парень не ценит свою девушку, пускай это делает кто-нибудь другой!

— Ты, правда, считаешь, что это — хорошая идея?

— Блестящая, Ева!

Можно было и не спрашивать. Разве Полина хоть когда-то сомневалась в собственных словах?

— Шурик будет в ярости...

— О, я на это и рассчитываю! — зловеще захохотали из трубки.

Я скосила глаза:

— Поля, с тобой все нормально?

— Конечно! Но если ты уже спросила о том, что может испортить мне настроение, то ответь, подруга: ты помнишь, что у нас сегодня занятие? Жду тебя вовремя. Еще раз опоздаешь — заставлю бегать вокруг стадиона, как в армии. И не обольщайся: на своих двоих!

— Я один раз вовремя не приехала! — обиженно пробурчала я. — И то по вине пробок.

— Значит, сегодня тебе стоит выехать пораньше! — отрезала Поля и отключилась. Я тяжело вздохнула. Иногда подруга и правда напоминала какого-то отставного офицера. Майора Пейна, например, или сержанта Зима из «Звездного десанта»...

Думая о своем, я бросила «нокию» на кровать (перина аж прогнулась под тяжестью древнего мобильника), вышла из комнаты и не сразу сообразила, что такое большое и хмурое преграждает путь. А когда все же сообразила, бежать было уже некуда.

— Так, значит, ты пойдешь на свидание с Юлием? — мрачно уточнил Алекс, опираясь плечом о стену и придерживая дверь моей спальни, не позволяя мне рвануть от него по коридору.

— Юлианом, — поправила на автомате. — И это не свидание, а встреча старых друзей.

— И зачем она тебе нужна? — совсем неласково проурчал заклинитель.

Я пожала плечами:

— Ну все равно же вечер будет свободный...

— То есть ты проведешь День святого Валентина с другим парнем, просто чтобы дома не сидеть?!

Я нахмурилась: нет, нормально вообще?! Сам отморозился, а теперь еще пытается сделать меня виноватой!

— Ну ты же работаешь?! — гневно скрестила руки на груди. — Так какая у меня альтернатива?!

У Шурика дернулась венка на шее.

— Так, значит? — процедил сквозь стиснутые зубы. — Ну, хорошо!

— Хорошо? — не поняла я.

— Хорошо! — рявкнул он в ответ.

— Ах хорошо?! — разъяренно сузила глаза я.

— Да!!! — гаркнул он так, что стекла в комнате задребезжали. — Хорошо!!!

И захлопнул дверь комнаты у меня перед носом. Пыхтя праведным гневом, я схватила телефон и набрала Полину.

— Мы поругались! — крикнула в трубку. На том конце провода на мгновение задумались, потом философски хмыкнули:

— Нет, подруга, а ты на что рассчитывала? Что согласишься пойти на свиданку с другим парнем, а Шурик поможет тебе выбрать платье и благословит на дорожку? А потом вы, все троим, сядете на диване и начнете распевать «кумбайя»?!

Я чуть телефон из рук не выронила:

— Но ты же сама посоветовала мне согласиться!

— Правильно! — воскликнула Полина. — Чтобы добиться именно этой реакции. Шурик показал, что ты ему небезразлична. Разве это не прекрасно?

— Может, и прекрасно, конечно, — поскребла в затылке я. — Но что мне-то теперь делать? Юлик, между прочим, мне и даром не нужен. Я с Алексом помириться хочу! А он, гад...

Готесса тяжело вздохнула:

— Ладно, не расстраивайся. Помиритесь еще.

— Ага, как же, — скривилась я. — Ты не видела его две минуты назад. У Ктулху лицо попроще было!

— Ой, Ева, не выдумывай! — хмыкнула подруга. — Вы грызетесь через день, и ничего. К тому же открою маленький секрет: в каждой ссоре самое главное — последнее слово. Вот у вас оно каким было?

— «Хорошо», — мрачно ответила я.

— Отлично! — радостно воскликнула готесса. — Видишь? Все совсем не так плохо!

— Мм... — Я недобро покосилась в сторону коридора. — А то, что он мне потом дверь сломал, это ни о чем не говорит?

Нимфа была пятилетней гневной кобылкой, которую я уже несколько лет пыталась укротить. Высокая, тонконогая, изящная: она была словно создана для конкур и самых сложных препятствий. Похоже, я оказалась одним из них. Нет, пока мы обе стояли на земле, Нимфа была самой добротой и послушанием. Она даже ходила за мною шаг в шаг, уткнувшись бархатным носом в плечо. Видимо, усыпляла бдительность. Потому что стоило мне забраться в седло: все! Кобылу становилось не узнать. Она начинала козлить по поводу и без, осаживаться на круп, в особо плачевных случаях — падать на бок. О том, что я сменила уже третью пару краг, потому что она вечно терлась боками о бортик манежа, я вообще молчу. Мы с Полиной перепробовали все: я была ласкова, как мама для мамонтенка, строга, как профессор Макгонагал к гриффиндорцам, аккуратна, как ежик в брачный период, — ничего не помогало. В результате Поля сдалась и решила брать настойчивостью. Почему-то моей: сама она прыгала на спокойном жеребчике, любила его безумно и демонстративно, обычно в моем присутствии, клялась, что никогда не променяет на другую лошадь.

В общем, убедить тренера, что мне очень дороги кости и я вполне могу обойтись без Кубка Большого Приза, которым она пыталась меня соблазнить, не удавалось. Приходилось крепиться и в очередной раз забираться в седло к Нимфе, которая была очень перспективной для спорта кобылкой и, как божилась Полина, где-то в глубине души вовсе не такой заразой, какой хотела казаться. Я не слишком верила, что когда-то смогу в этом убедиться, но и признавать собственное поражение не хотелось. Война, шедшая с переменным успехом, грозила затянуться...

— Опустит колени вниз! — орала Полина, сложив ладони рупором. — Выпрями спину! Руки вперед! Плечи назад! Шею не тяни!

Скажу честно: мне было бы куда удобнее ехать на Нимфе, упав ей на спину, обхватив за шею и крепко зажмурившись. Особенно сегодня: кобылка была в ударе, и три из пяти пре-

пятствий мы уже снесли, но стремительно приближались к абсолютному рекорду.

Неудивительно, что сползла я с нее мокрая до нитки. Дрожащими руками стянула шлем, молча вытерла лицо полотенцем и протянула кобыле сахар: дань за то, что разрешила слезть самостоятельно. Частенько наши занятия заканчивались моим эффектным полетом, к счастью, пока без травм. То ли я хорошо группировалась, то ли Нимфа удачно целилась, но кроме нервного потрясения, я никак не пострадала.

— У меня для тебя новость, — внезапно перебила Полина мой страдальческий поток мыслей. — На следующем занятии поездишь на моем Шторме.

— Серьезно?! — ахнула я, перебрасывая полотенце через плечо. Меня допустили к мистеру Совершенство? Любопытно, за какие заслуги? Помнится, жизнь Полине я в последнее время не спасала.

И она тут же это подтвердила:

— Не обольщайся, это ровно на один раз.

— Нимфу подковать хочешь? — тут же успокоилась я.

— Нет! — оскалилась тренер. — Хочу посадить на нее новую жертву.

Если честно, у меня едва бутылочка с водой из рук не выпала.

— Поля, — кашлянув, начала я, — просто для информации: предумышленное убийство в нашей стране тянет на пятнадцать лет строгого режима.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — отмахнулась подруга.

— Тогда что, ради всего святого, может заставить тебя усадить невинного человека на это чудовище?!

— Во-первых, — подпрыгнув, уюстилась на бортике ограждения Полина. В такой позе с ее длинными смоляными волосами, черной одеждой и темной помадой она могла спокойно затеряться в стае ворон, — не такого уж и невинного. Во-вторых, она сама попросила.

— Эвтаназию?! — шепотом уточнила я.

— Частный урок! В процессе которого ей нужно продемонстрировать, насколько опасно бывает ездить верхом. Боюсь, просто твоим примером она не проникнется.

— А собственный — не переживет! Полина, ты в своем уме? — всплеснула я руками. — Это же Нимфа, она вышибла из

седла даже чемпиона страны! И ты хочешь посадить на нее неопытного наездника?

— Ну, судя по резюме, этот всадник отлично галопирует, — ухмыльнулась готесса.

Я изогнула бровь:

— Резюме?

— Объясняю по порядку. Три дня назад в больнице ко мне подошла Маринка Иванова. Ты ее не знаешь, она учится на последнем курсе театрального вместе с Васей Жуковичем... которого ты тоже не знаешь, но он друг Саши Юрченкова... с которым ты, опять-таки, не знакома, и я понятия не имею, зачем все это тебе рассказываю... Короче, Маринка сейчас хочет сняться в фильме про Первую мировую, в роли молодого английского лейтенанта. Как ты понимаешь, в требованиях к актрисе обязательным числится умение ездить верхом. Ну и эта дуреха ничего умнее не придумала, как вписать его в резюме. К сожалению, на роль ее утвердили, и только потом она явилась на прием к моему отцу. Там они немного поболтали, она рассказала о своей маленькой махинации и о том, что не понимает, с какого перепугу режиссеру может понадобиться в кадре конь. То, что фильм про Первую мировую, где основная масса солдат только так и перемещалась, ее не смутило. Отец выслушал, покивал и рекомендовал за ответом обратиться ко мне. В общем, на все про все у меня две недели. Но с помощью Нимфы, уверена, что справлюсь за один урок.

Я задумчиво поскребла в затылке:

— Поля, нельзя научить кого-то ездить верхом за одно занятие...

— А я не собираюсь ее учить! — почти в ужасе округлила глаза готесса. — Мне одной бестолковой ученицы вполне достаточно! К тому же это не тот спорт, где можно стать чемпионом за десять дней. Мне всего лишь нужно, чтобы она отказалась от роли. Отец и так дважды вправлял ей позвонки, не хватало, чтобы его труды пропали даром. Думаешь, не справлюсь?

Я перевела взгляд на Нимфу: о, с этим проблем не будет! Один час на моем персональном чудовище — и бедная девочка в жизни больше к лошади не подойдет. Если переживет этот час, конечно.

— А зачем ты ходила в больницу? — внезапно всплыло в памяти. — К отцу или на обследование?

— На обследование, как же... — пробурчала Полина. — Хотя да: ты же не знаешь! Этот старый упырь, который папа, заставил меня записаться на «левый» семинар. В общем, я теперь и медсестра, и патологоанатом в одном флаконе. Вот скажи: нафига мне, будущему провизору и знахарке, знания о человеческом теле? Я ведь и так в курсе, что у нас есть печень, мозг и желудок. И две почки, хотя жить можно и с одной. Разве этого не достаточно?

Надо признать, с ответом я затруднилась. К тому же (и это мне было известно совершенно точно) Полина сейчас сильно приbedнялась. Может, она, конечно, и училась на аптекаря, но о расчлененке мечтала с детства. А фильм «Пила» знала на память, что, кстати, уже давало ей неплохое представление о человеческих внутренностях. К счастью, защищать старшего Казакова от единственной дочери и пасть героем в этом заранее проигрышном сражении мне не дали. По дороге к вольеру плавно подъехала синяя «мазда».

— А я думала, вы поругались, — хмыкнула, кивая на нее, подруга.

Я вяло улыбнулась:

— Сюда меня забросил Егор, ему было по дороге в аэропорт. Обратное, сказал, что заберет Богдан. Интересно, почему приехал Шурик?

— Может, помириться хочет? — подмигнула Поля, но это звучало так нереально, что я даже не стала отвечать. Алекс первым предложит мировую? Не смешите мои тапочки! Он будет держаться до последнего, как Зоя Космодемьянская, даже если я стану его пытаться. А вот, кстати, пакость какую-нибудь придумать — тут он и правда первый.

К сожалению, и на этот раз я в своих представлениях о заклинателе не обманулась.

Машина остановилась у вольера (Поля покосилась на меня с предвкушением), из нее вышел Александр (взгляд подруги стал таким довольным, словно в руках он держал огромную плитку шоколада, букет из ста одной алой розы... ну или меч Арагорна, как вариант), посмотрел на нас (она, кажется, даже закивала, мол: «Подходи, мирись, я, в случае чего, ее поддержи!») и отошел к багажнику. На этом моменте лицо Полины уже почти сияло восторгом и, кажется, легкой завистью. Видимо, она решила, что сейчас из недр машины вынырнет какой-то презент из серии «очевидное-невероятное», присты-

женный заклинатель падет к моим ногам, ударится лбом о землю и начнет истово клясться в вечной любви. Что характерно, обычно готесса к подобному проявлению чувств относилась весьма скептически, но и на нее порой что-то находило. А в последнее время, с тех пор, как она стала встречаться с Богданом, даже чаще, чем мне бы того хотелось...

Короче, что-то из машины все-таки вынырнуло. Правда, не букет, а велосипед. И защита к нему, которую заботливый Шурик аккуратно сложил на обочине, молча сел обратно в машину и так же неспешно выехал за ворота клуба.

Какое-то время мы с Полей смотрели на моего старого двухколесного друга, потом готесса кашлянула и щедро предложила:

— У меня еще несколько занятий осталось... подожди часов пять, и я сама отвезу тебя домой.

Я чуть с бортика не свалилась.

— Пять часов? Нет уж, подруга, лучше я как-нибудь своим ходом доберусь.

— Ну хочешь я Богдану позвоню и промою ему мозг?

— За что? — покосилась я на нее. — Он же не в курсе, что у него брат — дебил?

— Ладно, — вздохнула Полина. — Если ты такая добрая, я не буду его обижать. Просто попрошу за тобой приехать.

Я кивнула, и готесса достала телефон. Несколько минут о чем-то ворковала с парнем, потом отключилась и подняла на меня недовольный взгляд.

— В общем, можешь сказать «спасибо» Ядвиге. Она забрала Богдана с Георгием на шопинг. Сказала, что с твоей телепортацией Алекс справится самостоятельно. А тот не осмелился отказать ей при отце.

Тяжко вздохнув, я сунула озябшие ладони под мышки: и когда же проявит себя эта чертова вселенская справедливость? У мамы карма, как решето, в которое пальнули из дробовика, а она все равно ходит вся в шоколаде. Вредный, циничный, эгоистичный подстрекатель. Вечно ей скучно, а я страдаю!

— Ну давай ты себе такси вызовешь? — предложила очередную гениальную идею Полина. Я подняла на нее мрачный взгляд:

— На какие шиши?

— А метла?

— День на дворе.

— Егор?

— Вернется только послезавтра. У него очередной учебный перелет через полконтинента. Ладно, Полина, — улыбнулась, пытаясь выглядеть убедительно. — Поеду на велосипеде.

— Ева, до города пятнадцать километров!

— Ну, и фигли? — пожалала плечами. — Мы и дальше катались.

— Ага, — кивнула Поля. — Но не зимой же! Он тебе лыжи должен был привезти, а не велик!

— Не выдумывай, — отмахнулась, стараясь выглядеть оптимисткой. — Дороги расчищены, шуба у меня хорошая, шлем вон есть...

— Ева... — нахмурилась Полина.

— А в случае чего, ты меня потом вылечишь! — бескомпромиссно добавила я и пошла переодеваться.

Скажем прямо: после того дня я больше никогда не сомневалась, что зимой на велосипеде кататься нельзя. И чтобы это понять, долгой дороги не потребовалось: мне хватило не слишком высокой, но чертовски длинной обледенелой полосы на выезде из клуба. Какого рожна я сперва заперла своего железного монстра на самую верхушку, а потом подумала, что спуститься с ветерком будет круто?! Помню, еще постояла немного на месте, огляделась, подергала за тормоз, закрепила шлем потуже...

В общем, о том, что физику надо было учить, я подумала где-то на середине пути. Когда, вытаращив глаза и судорожно вцепившись в руль, давила обеими ногами на тормоз и по инерции, на застывших колесах, неслась вниз. Именно неслась — велосипед набрал скорость быстрее, чем болид Шумера на гоночной трассе.

— Как?! Как тебя остановить?! — заорала, чувствуя, что заднее колесо уже начинает догонять переднее и мой транспорт с душераздирающим скрипом пытается сделать то, к чему его точно не готовили, — ехать боком.

Революционная идея торможения пришла в голову неожиданно. Обдумать ее времени не было, иначе я бы, наверное, подобной глупости не совершила. Мысленно перекрестившись, я ухнула и с размаху опустила ноги в снег по обе стороны от ледовой горки. К несчастью, они до земли дотянулись...

Я даже не сразу сообразила, что произошло и почему я только что сидела на велосипеде, а теперь лечу впереди него, при-

чем гораздо быстрее. Это потом до меня дошло, что, сосыкочившись с землей, мои ноги превратились в катапульту и по плавной траектории (и со значительным ускорением) отправили меня вверх.

Вот тогда-то я и поняла, как здорово, что вокруг — зима и сугробы по пояс. Меня впечатало в снег как бесноватого казака в гущу врагов на поле брани. Да что там! Если бы ракеты Северной Кореи летали с подобным прицелом, мир бы давно капитулировал перед их мощью. Беззвучно, с перекошенным лицом я пропахала траншею своей бестолковой головой и замерла, истово благодаря бога за крепкий шлем.

Но это был еще не апофеоз. Апофеозом стал велосипед, который летел на меня с таким страшным металлическим скрежетом, будто на ходу пытался трансформироваться в Оптимуса Прайма¹. Я на минуту представила, что нас ждет, если он все же ко мне пришьвется и, кротко пискнув, ломанулась из сугроба. Нас разделило мгновение и несколько сантиметров. Рогатый «Титаник» упал на бок и прорезиненными колесами вошел в снег точно в том месте, где мгновение назад была я. Но его, в отличие от меня, сугроб не остановил и, прокатившись по инерции еще с метр, он вписался в растущий у дороги клен. Раздался негромкий «бух!», и половина снежной шапки с кроны обрушилась на землю, железного агрессора и мою голову.

Первое, что я увидела, когда отплевалась, это стоящую в воротах клуба Полину. Важно, КАК стоящую. Вертикальное положение она действительно пыталась удержать, но, кажется, лишь потому, что кататься от хохота по земле в феврале было холодно.

Но что еще более странно, рядом с ней, вытаращившись на меня взглядом, которым при желании можно было гнуть столовые приборы, истуканом замер Алекс.

Вот он-то и привел меня в чувство. Если еще секунду назад я была просто счастлива, что отделалась легким испугом, то, разглядев Шурика, поняла: ему так же не повезет. И я лично за этим прослежу.

Из сугроба я выползла на карачках, прямо как главная героиня фильма «Звонок» — из телевизора. Учитывая взлохмаченные темные волосы, огонь чистой ярости в глазах и общий довольно потрепанный вид, сомнения в том, что это была моя

---

¹ Оптимус Прайм — основной персонаж практически всех мультсериалов, комиксов и фильмов о трансформерах, глава автоботов.

роль, ни у кого не возникло. Я медленно поднялась на ноги, огляделась в поисках чего-то потяжелее и, определившись с целью, пошла к воротам.

Хорошо бы у Полины в тот момент был в руках хлыст. Увы, Шурику подфартило, и в мои шаловливые пальчики попалась корда — эдакая длинная толстая веревка с железным фиксатором на конце. Перехватив ее поудобнее, я оскалилась и, глядя в теперь уже круглые глаза заклинателя, кратко посоветовала:

— Беги!

И он стартовал. Нет, вообще-то сперва попытался что-то сказать, но затем оценил мой профессиональный замах и рванул с места. Конец веревки, правда, без железок, смазано коснулся круглой задницы.

— Ты что творишь, дура?! — взвыл Шурик.

Я аж задохнулась на мгновение.

— Кого ты душой назвал, угод?! —

— Правильно! — захлопала в ладоши со своего места Поля. — Так ему, Евочка! Наподдай! Ты ж у меня спринтер — лови мерзавца!

Заклинатель метнул в нее очень многообещающий взгляд, а в меня очередную реплику:

— Ты вообще, что ли, чокнутая?! На всю голову, да?!

— Евочка, я тебе сейчас дрын принесу, у меня где-то здесь стоял!

— Это я чокнутая?! Ты привез мне велосипед!

— Я же не думал, что ты на нем поедешь!

— Ева, удуши гада! — не унималась Полина. — Здесь лес кругом, найдем где закопать.

— Ах не думал?! А как, по-твоему, я бы домой вернулась?!

— Да я бы постоял минут десять за воротами, а потом...

Что бы он сделал «потом», я так и не узнала. Потому что в этот момент случайно ступила на уже знакомую обледенелую полосу.

— Бакла-ан! — взмыла в воздух и плашмя, всем телом, опустилась Шурику на спину.

Да... парень явно не ожидал, что я совершу такую подлость, поэтому пошатнулся, сделал пару неуверенных шагов и опустил пятку на ту же горку. Под мой оглушительный визг мы тандемом улетели к знакомому клену.

Вторая половина снежной шапки рухнула на землю.

— Знаете, ребята, — философски заметила Полина, когда мы, кряхтя и постанывая, поднялись на ноги, — у вас любовь

на грани психоза. Вы будете очень счастливы вместе, если, конечно, доживете до этого счастливого дня.

Мы с Алексом повернули к ней одинаково хмурые лица, потом посмотрели друг на друга...

— Домой едешь? — примирительным тоном спросил Шурик. Словно и не он только что едва не пал жертвой моего коронного «расшибусь, но зашибу». Я на секунду задумалась, потом пожала плечами и, вернув готессе корду, молча потопала к машине. Подруга только хмыкнула, когда Алекс, догнав меня на полпути, сперва помог стряхнуть снег с шубы и снять шлем, а затем галантно открыл дверь авто. Помог забраться внутрь, на секунду дольше, чем нужно, удержал озябшую ладонь в своей, провел большим пальцем по запястью и так посмотрел в глаза, что у меня мурашки по спине побежали. А потом еще и велосипед в багажник сунул, хотя после этого мгновения «рука в руке» я про железного монстра напрочь забыла. Черт, похоже, Полина была права. Алекс мог быть таким обворожительным, таким притягательным и заботливым, когда хотел. Да мы совсем недавно целый мир на пару спасли! Почему же мне порой так сильно хотелось его придушить?!

— Скажи, а почему именно «баклан»? — спросил заклинатель, когда мы уже выехали на трассу. — Я, конечно, слышал разные варианты: «За царя!», «За родину!», «Это Спарта!», но твой лозунг сразил наповал.

Я хихикнула: ну как же! Моя скромная тушка сразила тебя наповал, но признаться, видимо, гордость не позволяет.

— Это был не лозунг, — ответила улыбаясь. — Это ты — баклан, я просто докричать не успела.

— Я — баклан?! — тут же надулся Алекс.

— А как еще можно назвать человека, который работает на День святого Валентина? — бросила в ответ.

Некоторое время Соколов молча вел машину, всматриваясь вперед с таким выражением лица, словно давил по пути невидимых врагов. Потом спросил:

— Этот праздник действительно так много для тебя значит?

Я хмыкнула и отвернулась.

— Дело не в празднике, — сказала наконец. — Дело в том, что ты не соизволил сообщить о своих планах.

И это была чистая правда! Было ли для меня принципиально провести с Шуриком именно этот вечер? Нет, не было. Если бы мама с Полиной в две рожи не твердили, что устроить на четыр-

надцатого февраля праздник любимой — святая обязанность каждого парня, я бы вообще на его «динамо» внимания не обратила. Но какого черта я узнаю, что мой парень работает в субботний вечер, вот так «мимоходом», за семейным завтраком?!

— Меня самого «обрадовали» только сегодня утром, — ответил Алекс. — Так что, можно сказать, я тебе просто доложить не успел.

— А зачем тебе вообще выступать на День Валентина? — задала давно интересовавший меня вопрос. Вернее, с тех самых пор интересовавший, как его озвучила Полина — второй главный провокатор в моей жизни. — Разве тебе нужны деньги?

— Мне — нет, — честно признался Шурик. — А Лектору нужны. У них бюджет «порвался»: жену сократили, ему премию не выдали, а тут такой шанс подхалтурить. Так-то мы почти ничего не зарабатываем: амортизация оборудования, покупка новых инструментов, бензин, время... самоокупаемся, конечно, но прибыли нет. А вот на праздниках можно реально заработать. Лектору сейчас нужны деньги, и мы решили выступить.

— Понятно... — протянула, в очередной раз убеждаясь, что думать своими мозгами — полезно. Ну что мне стоило сразу задать вопрос Шурику? Нет, нужно было устроить консилиум с Полиной, придумать варианты ответа, обидеться на них же и поругаться с любимым парнем. Ума — палата...

А Лектора я, кстати, хорошо знала. Он числился гитаристом у Шурика в группе и по паспорту назывался Андреем. Мне, правда, так никто и не объяснил, за что ему дали такое странное прозвище, но то, что людей он не ел, — это точно. Вообще Лектор — хороший, вдумчивый такой, флегматичный. Сразу видно — женатый человек. Разительно отличается от своих товарищей: барабанщика Гугли, который Жека и которого заткнуть можно разве что физически, и басиста Толика, или Хаска (еще одна загадка природы). А все вместе, включая Демона-Алекса у микрофона, они были «Shadows» — рок-группой, чаще всего выступавшей в клубе «Домино» — любимом месте отдыха байкеров, металлистов, Полины и других стремных личностей.

— Ну... — протянула, неловко убирая прядь волос за ухо, — тогда удачи вам в субботу...

Алекс бросил на меня смеющийся взгляд и припарковал машину. Очень вовремя, кстати, потому что красиво извиняться я никогда не умела. В нетерпении заерзав по сиденью, я дернула за ручку раз, второй, но «мазда» не поддавалась.

— Эй, Шурик! — круглыми глазами уставилась на парня. — Ты меня случайно запер.

— Не Шурик, а Алекс, ведьма, — улыбаясь так, что бабочки в моем животе всей толпой взмыли к диафрагме, проурчал он. — И не случайно.

А потом придвинулся ближе, настолько, что я ощутила его дыхание у себя на лице, скользнул рукой по колену и вверх, пальцами второй коснулся подбородка, заставляя запрокинуть лицо, и накрыл губы поцелуем. Любые мысли в мгновение ока покинули мою голову, дыхание перехватило, сердце забилось в диком ритме, словно пыталось выпорхнуть на свободу, пробив себе путь сквозь грудную клетку. Прямо не мышечный орган, а детеныш Чужого, но Алекс всегда действовал на меня именно так. Ему удавалось утешить меня в минуту скорби, рассмешить и успокоить, когда весь мир хотелось растерзать на сотню маленьких кусочков. И он же умел так на меня посмотреть, так коснуться, что единственным желанием оставалось сорвать с него одежду и...

— Евочка, солнышко, а что вы здесь делаете?

Мамино лицо в лобовом стекле появилось неожиданно и едва не заставило пробить головой крышу авто. А то, что она сказала потом, — повергло в жесточайший *facepalm* и разрушило всю романтику:

— Я поговорила с мамой Юлиана. Он будет рад провести с тобой субботний вечер.

— А Евочка не сможет пойти, — с жестким прищуром, буквально источая елейную патоку каждым словом, заявил Алекс. — У нее в субботу важная миссия: она будет охранять дом.

Я резко обернулась и вперилась в него мрачным взглядом:

— Это, блин, шутка такая, да?!

ГЛАВА 2

— Где взять руководство по расчленению трупов?

— Тебе что, заняться нечем?

— Таки есть чем. Но нужно руководство.

Bash

В понедельник мы не разговаривали. Я, конечно, пыталась исправить ситуацию, но Шурик так и не признал, что он — ревнивый идиот с бредовыми идеями. Мне пришлось устроить ему

бойкот, весь день демонстративно хмуриться и смотреть в другую сторону. Это были необходимые воспитательные меры, я в них верила и не хотела отступать. Даже когда он вез меня домой из школы — ехала молча, уставившись в окно. Увидела, кстати, много интересного. Правда, шея затекла. В общем, день прошел лучше не вспоминать как, настроение к вечеру опустилось ниже плинтуса, а после игнорирования друг друга во время ужина — принялось скрестись в подвал. Я мысленно бубнила: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»...» и надеялась на чудо. Нет, не на то, что у Шурика проснется совесть, а на что-то более реалистичное: падение метеорита, например, или атаку инопланетян. Что-нибудь, что объединит нас под одним флагом и заставит сражаться вместе, забыв о прошлых обидах.

И чудо случилось! С инопланетянами, правда, не выгорело, но в одиннадцатом часу ночи, когда я уже лежала в постели, дверь в мою спальню открыла Полина. Я молча отложила книжку. В одной руке подруга держала чашку горячего кофе, а в другой — жестяную коробочку с печеньками из наших запасов.

— Будешь? — предложила, усаживаясь рядом со мной на кровать. Я хмыкнула и взяла сахарного мишку:

— А чайку не сделаешь?

— Не наглей, а? — нахмурила соболиную бровь готесса. — Я к тебе сегодня не пожрать пришла. У меня проблема и, кстати, по твоей части.

Вот теперь уже и мне стало интересно. А Полина, со вздохом откусив голову белочке из молочного шоколада, задумчиво уставилась в потолок и приступила к рассказу:

— Помнишь, я вчера говорила, что меня отец в больничку на практику устроил? Чтоб ты знала, это оказалась не простая больница. Ее построили на месте старинного храма. А рядом находится не менее древнее кладбище.

— Индейское? — проникшись ее мрачным лицом, тихонько уточнила я.

На меня перевели скептический взгляд.

— Конечно! Ведь индейцы специально переплывали океан, чтоб у нас дуба врезать. Это у них традиция такая была: чувствуешь, что смерть рядом, — хоп на лодку — и на другой берег по большой воде. А там похоронят. Обычное кладбище, Ева! Старое, правда. Туда сейчас уже и не завозят никого, даже не подхоранивают.

— Полина, сейчас почти полночь, — перебила я ее со вздохом. — Ты мне на сон грядущий только про кладбище не рассказывала. Тем более про обычное. Неужели до завтра оно никак не может подождать?

— Не волнуйся, — мрачно хихикнула подруга. — Я сейчас закончу, и твой сон как рукой снимет. Короче, ты же меня знаешь: я просто не могла обойти стороной такое интересное место. И после практики, около пяти вечера, отправилась на экскурсию. Только знаешь что?

Я покачала головой.

— На меня сторож начал орать так, будто я ему на любимую мозоль наступила! — возмущенно сообщила она.

Я скользнула по ней глазами: черная косуха с черепом на спине, кожаные штаны, тяжелые сапоги на шнуровке, пояс с такой бляхой, от одного взгляда на которую хочется перекреститься и отойти...

— Наверное, он подумал, что ты — одна из его подопечных, и попросил вернуться обратно в могилу.

— Ха-ха! — отрезала Поля. — Очень смешно. Только ты не угадала! Он решил, что я явилась эти самые могилы грабить! А когда я начала расспрашивать, оказалось: у него так уже четыре штуки разрыли!

Я села ровнее:

— Что, совсем разрыли?!

— Нет, Ева! До половины. Три кости торчат, все остальное под землей. Ты вообще себе могилу представляешь? Как ее можно не полностью разрыть? Интересно, кому они могли понадобиться?

— Кроме вас?

— Мы не откапываем гробы! — не без гордости сообщила подруга. — Мы работаем только со свеженькими трупиками.

Я слотнула и положила печеньку обратно в коробку.

— И что ты предлагаешь делать?

Готесса отставила кофе и повернула ко мне криво ухмыляющееся лицо:

— Мы должны пробраться на это кладбище!

— Ночью?! — ахнула я не то чтобы без энтузиазма, скорее — с легким оттенком паники.

Но Поля только развела руками:

— Днем меня туда не пускают! А сейчас, в темноте, мы проникнем внутрь и посмотрим, что там натворили с древними могилами.

Невероятно, с каким восторгом она об этом говорила! Бродить в полночь среди надгробий — что может быть чудеснее? А я отвечаю: да все что угодно! Это же стандартное начало большинства фильмов ужасов! Друзья говорят: «Пойдем пошаримся на древнем захоронении?» Ты, как debil, соглашаешься и тут же умираешь! А всего-то надо было сказать: «Да идите вы на фиг с вашими идеями!» Только я, кажется, начинаю понимать, почему самые осторожные умирают молодыми — потому что любимые друзья им просто выбора не оставляют!

— Полина, — прошептала, выразительно косясь на дверь, — Алекс меня убьет, если узнает, что я ночью полетела на кладбище!

— Не бойсь! — отмахнулась готесса. — Твой надзиратель в подвале, репетирует. Мне его Богдан сдал. Еще час будет занят. Мы как раз успеем вернуться.

Я чуть не матернулась: это ж надо! Когда хочешь удрать — он всегда на стреме, а когда, единственный раз, с надеждой высматриваешь его на горизонте: дудки! Не докричишься...

Пришлось вылезать из постели, надевать спортивный костюм и шубу, доставать метлу из шкафа и лететь на кладбище. Ну и кто после этого поверит в благочестивость ведьм?..

Захоронение при больнице было внушительным, можно сказать — монументальным, но весьма заросшим. Деревянных крестов я не увидела — то ли сгнили и попадали со временем, то ли здесь присутствовал некий фэйс-контроль и без статуи не пускали. На худой конец — с надгробием, да таким, чтобы его было видно от самых ворот. Сейчас, зимой, снежные шапки покрывали все — крыши усыпальниц и семейных склепов, скульптуры святых, навечно запечатленных в скорбных позах, решетчатые оградки. Из белоснежной перины выглядывали черные скрюченные пальцы плюща и дикого винограда, дуплистые деревья опускали кроны к земле и ловили путников в хитросплетения выбившегося на поверхность корневища.

Короче, Полина была от кладбища в восторге. С криком: «Полный рулез!!!» — она сорвалась с места и умчалась куда-то в каменный лабиринт. Я осталась на «посадочной полосе» в гордом одиночестве.

Вообще-то мне как ведьме не пристало бояться кладбищ. Во-первых, я точно знаю, что полтергейстов не существует. Вредные духи прабабок, при жизни решивших оставить «кусочек» себя любимой благодарным потомкам, — эти да, но не

полтергейсты. Во-вторых, я владею магией и чисто теоретически могу пришибить молнией недружелюбно настроенного кракозябра. И, наконец, в-последних по списку, но не по значению: на мне, в силу моей пугливости и маминой паранойи, навешено столько волшебных «щитов», что их сосчитать — пальцев не хватит. Так что — да, у меня есть вполне логичные причины не бояться кладбища. И только одно заставляет забыть их все: мне, черт подери, не комильфо стоять здесь одной в окружении трупов!

— Полина, твою мать! — как родную прижав метлу к груди, заорала я. — Вернись немедленно!

— Я бы не советовал здесь кричать, — внезапно раздалось из-за спины. — Сторож бродит неподалеку, может услышать.

Оборачивалась я так медленно, что, когда взгляд наконец упал на высокую широкоплечую фигуру в теплом пальто и шляпе, воображение успело превентивно нарисовать ему рога, хвост и копыта. Но когда я разглядела лицо неожиданного попутчика, то поняла, что реальность оказалась хуже фантазии. На меня, улыбаясь своей характерной улыбкой Нарцисса, смотрел Владимир Овада.

Несколько мгновений мы молча тарасились друг на друга. Особенно старательно тарасилась я, в тщетной попытке разглядеть в нем не более чем плод собственного воображения. Потому как худшего спутника для «прогулки» по кладбищу придумать было сложно. И дело даже не в том, что Владимир — очередной претендент на мою слишком популярную руку, а значит — кровный враг одного небезызвестного заклинателя (который будет просто в ярости, если узнает, что я не только сбежала из дома на ночь глядя, но еще и в подобной компании). Просто у Вовочки было несколько черт характера, за которые его хотелось придушить на второй минуте знакомства. Он искренне считал себя неотразимым, как удар Али, и желанным, как четырехлистный клевер. Короче, неординарная личность, общаясь с которой ты слишком быстро переходишь от стадии «Он такой незаурядный!» к «Он же долбанутый на всю голову!».

К сожалению, недовольна нашей встречей была только я. У чародея, который, кстати, был сыном той самой маминой «заклятой» подруги Мелиссы, которая четыре месяца назад устроила Алексу незапланированный экзамен по медицине, был такой вид, словно его только что назначили первым охот-

ником племени. За то, что завалил мамонта, которым, по всей видимости, была я. По крайней мере, все характерные признаки наблюдались — оцепенение всего тела, тяжесть в груди и только одна протяжная, тоскливая мысль в голове: «Че-о-орт!»

Ну чем не подстреленное травоядное?

Наверное, потому я и не сразу сообразила, с чего это вдруг улыбка Владимира стала мрачнеть, тускнеть, а потом и вовсе куда-то пропала.

— Ева, я тебя умоляю, — сказал он наконец, — сделай лицо попроще. Я как будто смотрю на картину «Крик» Эдварда Мунка.

И надо же было такому случиться, что Полина услышала именно эту фразу! Вовремя вернулась, что называется.

— Фигасе, какого образованного некроманта ты нашла!

Новоиспеченный злодей окинул готессу таким взглядом, что я бы на ее месте ощутила себя полудохлым тараканом на грязной подошве, но прежде чем Владимир успел что-то сказать (а она — ответить хуком справа), моя отнявшаяся было речь вернулась в нормальное состояние.

— Полина, — криво улыбнулась я, — знакомься: Владимир Овада, чародей. Владимир, это — Полина Казакова.

— Знахарка, значит, — презрительно уточнил маг. — Недосмотрела пациента? Пришла проведать? Или просто до больницы не долетела?

Готесса мягко улыбнулась и подняла на Вовочку такие глаза, что мне стало его даже немножко жаль.

— В полночь? На кладбище? — проворковала она. — Кого же тут проведывать? А вот для предсказаний время самое подходящее.

— Действительно? — скривился чародей. — Не поделишься ли мудростью?

— Да не вопрос! — еще более ласково улыбнулась подруга. — Мое всевидящее око считает, что у тебя через две минуты будет сломан нос, через три — правая рука, через пять — ты лишишься большей половины зубов, а через семь навсегда покинешь список Евиных женихов по причине серьезного повреждения репродуктивных органов. Дальше гадать?

— Не надо! — воскликнула я, понимая, что еще чуть-чуть, и на кладбище случится махач. Полина с ее тэквондо душу, конечно, отведет и за свое попранное достоинство чародею отомстит, но мне-то потом с мамой разбираться! И этому заносчи-

вому красавчику апельсины в больницу таскать. В наказание. Пришлось быстро брать дело в свои руки и притворяться Леопольдом. — Друзья, давайте не будем ссориться. Мы все принадлежим к древним и почитаемым семьям, но сейчас не время и не место выяснять подробности. Потому, Владимир, была рада повидаться! Привет маме. Поля, идем!

И, ухватив готессу под руку, я попыталась утащить ее вглубь кладбища. Не успела.

— погоди, Ева, — серьезным тоном велел Владимир. — Скажи, зачем ты здесь?

Поля демонстративно закатила глаза:

— А больше тебе ничего не рассказать? Где лежит Книга Знаний, например, или код от домашней сигнализации?

Владимир скрипнул зубами.

— Ладно, — выдавил он, — я первым сознаюсь. Меня на кладбище послала мать.

— Вовочка! — воскликнула Полина прежде, чем я успела ее остановить. — Ты ее не так понял! Фраза «Чтоб ты сдох!» означает, что сюда ты должен был прибыть уже в гробу! Непослушный сын...

Чародея перекосило.

— Я не Вовочка! — совсем в стиле моего Алекса рыкнул он. — Я — Владимир. Ударение на второе «И»! А на кладбище я приехал потому, что здесь явно копаются некроманты. И это не первое место, где он побывал. Мать просила узнать, какие именно могилы разрыты.

Мы с Полиной синхронно нахмурились.

— Не первое, говоришь? — задумчиво повторила я. — И много всего могил осквернено?

— В нашем городе я насчитал четыре, — ответил чародей. — И еще здесь три штуки. Итого семь.

Он огляделся по сторонам, определил направление и махнул рукой, даже не сомневаясь, что мы подчинимся:

— Идите за мной. Я покажу.

Мы с Полей переглянулись, дружно вздохнули, но спорить не стали. В конце концов, глупо отказываться от помощи. Тем более на поверку кладбище оказалось таким большим, что сами мы бы здесь до утра бродили.

Маленькой группкой, стараясь не отставать друг от друга, мы шли довольно долго и очень быстрым шагом. Несколько раз меняли направление, сворачивая в узкие «улучки», делив-

шие кладбище на квадраты, пока, наконец, не добрались к центру. Там, словно на главной площади города, стояла самая высокая статуя из всех: девушка в балахоне. Капюшон на голове, молитвенно сложенные ладони, маска печали на благородном лице — фигура заставляла задуматься о вечном и всплакнуть о том, что навеки кануло в небытие. Но она была не просто украшением данного места или олицетворением его хранителя. У ее подножия возвышался холмик могилы, с таким щербатым надгробным камнем, словно по нему специально били отбойными молотками. И могила эта была явно кем-то потревожена.

Полина вырвала руку из моих пальчиков, от страха вцепившихся в нее почти с нечеловеческой силой, и забралась на земляной холм, лишь слегка припорошенный снегом. Заглянула внутрь, потом перевела взгляд на мемориальную табличку:

— Если кто-то создает армию, его выбор солдат сложно назвать оптимальным. Старушка скончалась в возрасте девяноста трех лет. При такой изношенности организма зомби долго не повоюет.

— Остальные, которых я проверил, были ненамного моложе, — поддакнул Владимир. — И похоронены еще в прошлом столетии. Все могилы пусты, тел нет. Очень похоже на то, что работал некромант.

Я перевела на чародея тревожный взгляд:

— А, может, просто расхитители могил? Обычные люди искали чем бы поживиться. Потому и выбирали тех, кто постарше: надеялись найти что-то старинное, дорогое...

— Может, и расхитители, — пожал плечами Владимир. — Но зачем они тогда тела позабирали? Их на черном рынке не продашь — там нужно что-то посвежее... В любом случае, далеко с таким грузом они не уйдут. Ведьмы их отыщут, и скоро кладбища нашего города станут такими же спокойными, как и прежде.

Я улыбнулась, на мгновение подумав, что, возможно, это даже хорошо, что Владимир оказался третьим в нашей компании. Теперь-то мы точно знали, что магическое сообщество будет уведовлено о нарушителях и мне не придется делать это самостоятельно во время ближайшего шабаша.

Но уже через секунду эта мысль исчезла, словно ее и не было. Потому что чародей ступил ближе и по-хозяйски положил руку мне на бедро.

— Я надеюсь, семья Моргалис присоединится к поискам? — прошептал на ухо.

Ответом ему было негромкое, но яростное рычание, и из ближайших кустов вынырнул ощерившийся мохнатый коврик.

Я сузила глаза: Александр Соколов! Как ты посмел приставить ко мне Азриэля?! Ты же знаешь, что я терпеть не могу твоих демонов! Злобные, подлые, мерзкие — неужели только мы, ведьмы, понимаем, как опасно иметь с ними дело? Сколько заклинателей погибло лишь потому, что не могли правильно рассчитать силы и призывали тех, кто бросался на кормящую руку?! И теперь одно из этих низших существ из-за завесы шпионит за мной?!

О, я была так зла, что не сразу сообразила, на кого в тот момент нужно было смотреть. А смотреть нужно было на Вовочку. И когда Полина, привлекая внимание, больно ткнула меня локтем в бок, я поняла почему.

Чародей застыл в позе оловянного солдатика с вытянутой вперед рукой, круглыми обалделыми глазами и ртом-бубликом. Нижняя его губа подрагивала, палец был нацелен на черный рычащий «ковер», на лице застыла маска непонимания и легкой паники.

— Эт-то чт-то т-такое...? — с трудом выдавил он, до последнего не желая признавать очевидное.

Я вздрогнула от его голоса. В голове тут же выстроилась цепочка: Вова — демон — заклинатель... А дальше по списку: преследование — обвинения, причем во всем и сразу, — постоянные слежки, надзор...

За две секунды мой пессимистично настроенный мозг выдал такой расклад потенциальных бед, страданий и тягот судьбы, что я поняла: ведьмы о заклинателе не узнают, даже если сегодня мне придется закопать Вовочку в могиле похищенной старушки. Забегая вперед, скажу, что паниковала я зря: магическому сообществу было по барабану, кто там обитает в особняке Моргалис — хоть заклинатель, хоть некромант, хоть Дарт Вейдер собственной персоной. Главное, чтобы к ведьмам не цеплялся и в целом соблюдал наши законы. Но в тот конкретный момент я была настроена так серьезно, что Вова, по-хорошему, должен был благодарить судьбу за собственный ступор. Оказался бы он сообразительнее, и мы с Полиной обеспечили бы ему пожизненную амнезию посредством лоботомии.

В общем, сообразив, что еще немного и мой свидетель сможет правильно оценивать действительность, я с мольбой покосилась на Полю и, не придумав ничего лучше, решила действовать на опережение:

— Мой маленький песик!! — заорала, бросаясь к Азриэлю. — Моя пулечка!

— Твоя — кто?! — шепотом уточнила подруга, подпрыгивая к удивленному демону с другой стороны. Похоже, мохнатый бедняга впервые так близко увидел представительницу готической субкультуры. И это зрелище ему не понравилось. Он с такой прытью попытался отползти обратно в кусты, что я еле успела перехватить его за шкуру.

— Пули, порода такая, — пояснила, отчаянно улыбаясь и чувствуя, как под плотной кудрявой шерстью демона перетекают мышцы и грубая, как наждачная бумага, кожа. — Помогай, Полина! Я его одна не удержу.

Готесса хмыкнула, но спрашивать ничего не стала, а только вцепилась демону в «круп» и, навалившись сверху, всем весом прижала к земле. Чародей несколько мгновений наблюдал наш странный совместный поединок, который, как я надеялась, выглядел радостной встречей хозяйки с питомцем, а потом, все еще слегка заикаясь, пробормотал:

— Н-но разве у тебя был не доберман?

— Он и сейчас есть, — обернулась я, с трудом зафиксировав на лице кривую улыбку. — Но Диплодоку было так скучно одному, что я завела ему друга. Полина, это же ты притащила Пулю на кладбище?

Готесса покосилась на метлу, лежащую у моих ног, потом на демона, дергающегося так отчаянно, словно собирался оставить нам шкуру, лишь бы только удрать, и кивнула с видом Гендальфа, прилетевшего в Мордор на орлах:

— Конечно я! Ведь это было так просто — схватить в охапку псину и незаметно для тебя припереть ее на твоём транспорте в обитель мертвых!

Она еще и язвила! У нас, блин, ситуация из разряда совсем плачевных, а она подыграть нормально не может!

Впрочем, Вовочка, то ли в силу испуга, то ли по причине собственной недалекости, ее сарказма не разглядел.

— А зачем ты это сделала? — куда спокойнее уточнил он.

Полина бросила на него ядовитый взгляд:

— Для защиты, конечно! Кто же знал, что здесь нас будешь поджидать такой благородный ты?!

— Мм... — глубокомысленно протянул чародей. — Но если это — твоя собака, почему она пытается от тебя убежать?

— Да нет! — протянула я, очень стараясь звучать убедительно. — Тебе только кажется!

— Зачем тогда вы обе в него вцепились? — не сдавался Вова. Я сглотнула и нервно хихикнула, аж подпрыгивая от мощных попыток Азриэля сбросить с себя двух любвеобильных «хозяек»:

— Соскучились, блин!

— Ага! — поддакнула Поля. — Ева очень привязана к своим питомцам.

А потом тихо добавила:

— Но она не будет громко плакать, если через две секунды этот конкретный зверь превратится в послушного, симпатичного, ласкового песика. Иначе злая готесса, которая привязана к «пулечкам» куда меньше, сделает из него себе украшение на стену!

И — о чудо! Инстинкт самосохранения у демона сработал! Я почувствовала, как под моими руками, крепко прижимающими Азриэля к земле, начали двигаться кости и мышцы, из длинной лохматой шерсти вынырнул аккуратный черный нос, проклюнулись уши, бусины глаз...

— Молодец! — проворковала Полина, проводя ладонью по голове собаки с такой силой, будто пыталась вгладить ее в землю. — Сообразительный мальчик!

— Какая необычная порода... — бочком подступил ближе Владимир. С опаской заглянул поверх наших с Полиной голов, оценил внешний вид преобразованного демона и хмыкнул. — На любителя, да...

А потом, совсем осмелев (а вместе с этим еще и охамев, потому как иначе быть смелым у него не получалось), наклонился и, протянув руку в попытке потрепать Азриэля по собачьей голове, закончил «комплимент»:

— Моя шуба из медведя смотрится так же, если вывернуть ее наизнанку.

Этого демон стерпеть не смог.

Клац!

Торпедой взметнувшись вверх, песик открыл пасть с набором белых крепких зубов и мертвой хваткой впился в ладонь чародея. Вовочка взвыл.

«Восемь дырок...» — с какой-то странной обреченностью подсчитала я.

— Твою ж мать! — рявкнула готесса, хватая «Пулю» поперек туловища.

Я, как собачник со стажем, крепко вцепилась Азриэлю в задние лапы и потянула вверх. Для обычной собаки этого оказалось бы достаточно, чтобы выпустить жертву. Но не для демона, получившего четкие инструкции от хозяина и обремененного совсем другими инстинктами. «Пуля» недовольно рыкнул (ну еще бы: не даем догрызть врага!), дернул лапкой раз, второй, понял, что отпускать я ее не собираюсь... и начал расти.

Я поняла, что надо срочно что-то делать, когда ощутила, что держу в руках заднюю часть тибетского мастифа. По крайней мере, по весу это точно была она. Вовочка уже не выл — он глухо стонал на одной ноте, пытаясь прицелиться здоровой рукой и сшибить зверя эффектным фаерболом. Пока мы с Полей достаточно успешно оказывались между ним и жертвой, но долго так продолжаться не могло. То есть либо Азриэля поджарят сегодня, либо он превратится в уссурийского тигра и его опять-таки поджарят, но чуть позже, с легкой руки Мелиссы, мстящей за съеденного сына.

— Если ты сейчас не отпустишь Вову, я все расскажу Алексу! — рявкнула, из последних сил дергая пса за лапы.

Он ответил таким издевательским рыком, словно только и ждал, когда я это сделаю. Ну, да, представляю реакцию заклинателя: «Шурик, твой демон отгрыз руку Владимиру!»

Интересно, долго он будет оглашать дом победоносным смехом Темного Властелина?..

— Отпусти, — не сдавалась я, — или я разрешу Вове тебя поранить!

На меня блеснули глумливым взглядом: мол, на много ли его хватит, с одной рукой-то?

И тогда я решила на последнее, нечестное, но действенное средство:

— Я скажу Шурику, что ты на меня напал!

По правде сказать, я даже не подозревала, что собачьей мордой можно выразить такую степень возмущения. Казалось, еще немного, и Азриэль встанет на задние лапы, упрет передние в бока и выскажет все, что думает о моей совести. Но вместо этого он небрежно выплюнул руку Владимира и, мгновенно

уменьшившись до своих обычных размеров, колбасой вытянулся в наших с Полинкой «объятиях».

Секунду мы все молчали, пытаясь отдышаться и прийти в себя. А потом:

— Твой пес! — гневно сверкая глазами, выдохнул Владимир. — Твой пес чуть не откусил мне руку! Он неконтролируем и опасен. Я сообщу матери, и его заберут в питомник!

Он даже не стал дожидаться ответа! Видимо, такого удара самолюбие чародея простить просто не могло. Резко развернувшись и взмахнув полами пальто, он быстрым шагом направился вон с кладбища, а я даже не знала, какими словами можно его остановить. Ведь он действительно пострадал! А демон и правда оказался куда опаснее, чем я думала, хотя в глубине души я всегда ожидала от него пакости.

Но отдавать Азриэля в питомник?! Это же вообще бред!

К счастью, Полина всегда в критические моменты сообщила лучше меня.

— А ну стоять, ущербный! — рявкнула она, без вопросов сгружая демона мне в руки. Владимир споткнулся и обернулся с таким видом, словно только что определил, на ком можно отыграться без урона для здоровья:

— Чего сказала?!

— Ты никому ничего не расскажешь! — грозным тоном, четко проговаривая каждое слово, заявила Поля. — Иначе я расскажу, как тебя победила собачка размером со спаниеля!

— Да как у тебя язык повернулся... — начал было чародей, но его резко перебили.

— Однако я признаю, что сегодня ты пострадал по нашей вине! — рыкнула Полина. — А потому, в виде компенсации, предлагаю тебе свои услуги как лекаря. Соглашайся, Владимир! Я обычно на халяву не работаю!

На мгновение мне показалось, что Овада сейчас бросится на Полю и снимет с нее скальп. Ну или попытается, потому что из этой драки ему победителем было все равно не выйти. Однако каким-то немислимым усилием он сдержался и, скрипнув зубами так, что я почти увидела искры, брызнувшие у него изо рта, коротко кивнул.

— Ева, забирай пса и лети домой, — строго посмотрела на меня Поля. — Меня отвезет Владимир. Сначала в больницу, а потом — на квартиру. Я тебе позвоню.

Пудобнее перехватив «Пулю», я перевела вопросительный

взгляд на чародея. Тот помрачнел еще сильнее, хотя, казалось, это физически было невозможно, но кивнул второй раз. Поля довольно хмыкнула и, незаметно подмигнув мне, первая потопала к кладбищенским воротам. Овада пристроился в кильватере, стараясь не смотреть на меня и на сразившую его моську.

Я дождалась, пока звук их шагов стихнет вдалеке, и только потом опустила демона на землю. Он по-собачьи уселся у моих ног, поднял морду и даже попытался вильнуть хвостом. Правда, не слишком удачно: с непривычки так сильно им дернул, что завалился на бок и больше подобных попыток не предпринимал. Мрачно хмыкнув, я подобрала с земли метлу:

— Слышал, что сказала Полина? Я лечу домой и тебе советую сделать то же.

А затем демонстративно перебросила ногу через древко. Собака, то есть демон, не шелохнулась. Только чуть наклонила голову и уставилась на меня еще более пристальным взглядом. Я поджала губы:

— Можешь просидеть здесь хоть до утра. Мне все равно.

В ответ из пасти Азриэля вывалился толстый розовый язык. Длинный, как обожравшийся удав, он почти коснулся кончиком пушистого плеча, да так и замер. Словно демон, пытавшийся выглядеть как настоящая собака, скопировал жест, не понимая, зачем именно животные так делают.

— Лети к хозяину, — повторила я, глядя на эту нелепую игру. — Он наверняка заждался твоего отчета.

Демон склонил голову еще ниже и тихонько заскулил.

Нет, ну это было уже чересчур! У меня едва метла из рук не выпала: нормальная нечисть вообще? Сидит и смотрит глазами брошенного щенка! И вот знаю, что все это обман, что под маской песика скрывается существо из другого мира, к которому порядочной ведьме даже прикасаться не следует, но все равно сердце сжимается.

— Азриэль, у тебя совесть есть? — почти прорычала сквозь стиснутые зубы. Хотя какой совести можно ожидать от питомца, если даже его хозяин этого слова не признает? — Ладно, черт с тобой. На метле удержишься?

Короче, в тот день я была первой в истории ведьмой, которую в полете, обхватив на удивление гибкими «лапками» древко метлы, сопровождал демон. И, надо сказать, он от всего происходящего получал куда больше удовольствия, чем я. Радостно повизгивая, Азриэль зыркал по сторонам, вглядывался

в ландшафты под нами и один раз чуть не сверзился вниз. Еле успела поймать за хвост и усадить обратно. Демон хрюкнул в благодарность, а я закатила глаза, поражаясь собственному странному поведению. Еще вчера меня пугала одна только идея коснуться нечисти, а сегодня вот, везу домой. Похоже, мама правду говорит — Алекс на меня чертовски плохо влияет.

Кстати, о нем, о нарушителе маминого спокойствия. Нет, вы не подумайте: я знала, что рано или поздно придется с ним объясниться. Шанс, что Шурик проигнорирует мой ночной полет или вообще о нем не узнает, был настолько крошечным, что его следовало считать исчезающе малой величиной. Но я не ожидала, что расплата придет так скоро.

Мы с Азриэлем влетели в окно спальни тандемом, хотя сначала я думала оставить демона за порогом дома. Толкнула за благовременно приоткрытую створку, бесшумно спрыгнула на пол, стряхнула демона с древка на кровать и подпрыгнула, услышав задумчивое:

— Хм...

— Что ты здесь делаешь?! — рявкнула угрожающим тоном, лишь сейчас замечая в комнате посторонний объект.

Алекс, до этого вольготно развалившийся на моей постели, поднялся на ноги и, неспешно обогнув кровать, встал передо мной в полный рост. Близко встал. Даже слишком, учитывая, что он был в одних семейках, а я никогда не жаловалась на ночное зрение. Сделав недовольное лицо, он скрестил руки на груди, отчего бицепсы напряглись, а у меня по спине побежали мурашки, и мрачно процедил:

— Где ты была?

О, не с того он начал разговор! Я в гневе сузила глаза.

— Зачем у меня спрашиваешь? Ты вон у него спроси! — и ткнула пальцем в Азриэля, вновь принявшего свой обычный вид черного коврика. — И мне заодно скажи: какого черта он за мной шпионит?!

Вместо ответа Шурик вдруг подошел совсем близко и одним рывком буквально выдрал метлу из моих рук. А потом схватил за правое запястье и заставил перевернуть ладонь.

— Ты поранилась, — заявил, глядя на длинную полосу запекшейся крови, идущую параллельно линии жизни.

Я с удивлением проследила за его взглядом.

— Даже не заметила, как это случилось... — пробормотала растерянно.